

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Покотилова Татьяна Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет
Российская Федерация, 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: t.pokotilova@gmail.com

Отечественная благотворительность на отдельных этапах российской дореволюционной истории приобретала статус неотъемлемой части переживаемых страной и народом ряда важнейших модернизационных экспериментов, а в рамках преобразований по следам реформ второй половины XIX в. она серьезно повлияла на формирование модернизационной среды и выработку в сознании образованной части российского общества модернизационных ценностей к началу Первой мировой войны.

Ключевые слова: благотворительность, православие, церковь, идеология, модернизация, российская власть, государственный характер управления, профилактика бедности, общественное объединение

MODERNIZATION EXPERIMENT IN HISTORY DEVELOPMENT OF RUSSIA AND DOMESTIC CHARITY

Pokotilova Tatiana E., D.Sc. (History), Professor
North-Caucasus Federal University
1 Pushkina Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
E-mail: t.pokotilova@gmail.com

Patriotic charity at various stages of pre-revolutionary Russian history acquires the status of an integral part of the country and people experienced a number of major modernization experiments and transformations within the wake of reforms of the second half of the XIX century. It has seriously affected the formation of modernization and development environment in the minds of the educated part of Russian society modernization values to the First World War.

Keywords: charity, Orthodox, Church ideology, modernization, the Russian authorities, the public nature of the control, prevention of poverty, public association

Отечественная дореволюционная благотворительность – один из активно изучаемых современной гуманитаристикой социокультурных феноменов. Анализу подвергнуты процесс ее развития в целом, содержательная сторона благотворительной практики по отдельным ее направлениям и в различных ее формах. Изучается не только общероссийский опыт деятельности в сфере благотворительности, но и региональные практики, причем в различные периоды отечественной истории. В стадии активного изучения находятся проблемы историографии российского благотворительного процесса.

Масштабы и качество накопленного научного знания в изучаемой сфере делают возможным обращение к изучению места и роли благотворительности как одного из важнейших социокультурных феноменов, в нашей истории в контексте ее влияния на процессы развития страны.

Не секрет, что оптимальной моделью развития для Запада стала модернизация – «...эволюционное обустройство бытия как отдельной личности, так и в целом всего общества в системе ценностей либерализма и поступательного прогресса» [7, с. 19]. Наша же история всегда тяготела к совсем иному типу развития – мобилизационному. Именно в условиях назревшей потребности разрешения очередного системного кризиса реализовывалась предельная концентрация национально-государственных ресурсов для его преодоления и дальнейшего

существования исключительного за счет накопленных ресурсов. По мере истощения последних опять наступает кризис, а для его преодоления снова требуется мобилизация. При этом мобилизационный путь развития не только не исключает, но и предполагает обращение власти к тем модернизационным экспериментам, которые своей направленностью и содержанием соответствуют как целям достижения, так и характеру и содержанию ожидаемых перемен.

Отечественная благотворительность – тот социокультурный феномен, который приобретает зримое присутствие, содержательное наполнение, институциональное оформление и статус одной из важнейших черт культуры в течение практически тысячелетнего существования благодаря обращению властей древнерусского государства Киевская Русь к проведению такого модернизационного эксперимента, как крещение Руси.

Потерпев закономерное фиаско в стремлении приспособить высокоразвитое и такое родное для восточнославянских племен ко второй половине X в. язычество к нуждам государственного строительства, Владимир Святославович не только мирится с неизбежностью официальной христианизации Руси, но и быстро и приступает к ее крещению. Власть раннефеодального государства нуждалась в религии, предлагавшей правила существования и поведения людей в условиях неравенства. И православная церковь в качестве одного из монополистов на такую идеологию и как один из старейших социальных институтов оказалась в силах взять на себя и достаточно успешно справляться с такими востребованными на тот момент в древнерусском обществе социальными функциями, как морально-этическая и нормативно-ориентирующая.

Значительная часть христианского вероучения связана с идеями братолюбия и милосердия, призывающими верующих на пути богоугождения и спасения обращаться, прежде всего, к деятельному милосердию: «...придет сын человеческий и воссядет на престол, собрав вокруг себя все народы, чтобы отделить их друг от друга. Те, кто станет справа от него, будут допущены в царство божье, им будет дана вечная жизнь, ибо они были милосердны: давали пищу голодным, приют – странникам, одежду – нагим, посещали больных, смягчали участь томящихся в темнице...» [3].

На ранних этапах становления государственности русская православная церковь, обладая монополией на философию милосердия, берет на себя функцию регулятора и, одновременно, значимого актора в сфере благотворительности. Воспитание нравственных побуждений к благотворению через проповедь учения о любви и милосердии, воспитание паствы примерами личного милосердия, практическая работа по организации призрения через собственные структуры за счет средств церкви, государства, общин, братств и милостыни – три важнейших направления, определивших основное содержание кропотливой работы православной церкви в Древней Руси в названной сфере [6, с. 26].

Исходя из общепринятых представлений о благотворительности как о системе «основанных на чувстве дружелюбия действий, имеющих целью оказание помощи слабым членам общества, лишенным, по той или иной причине, возможности собственными силами обеспечить себе минимум средств существования» [2, с. 293–294], ее можно и нужно считать феноменом, как минимум, не входящим в противоречие с содержанием процессов модернизационного развития. Ведь, во-первых, вовремя предоставленная помощь дает человеку шанс сохраниться в качестве активного участника социально-экономических процессов, во-вторых, благотворительная активность в разных ее формах поддерживает в участниках благотворительной практики справедливое ощущение причастности к общественно значимому делу и вырабатывает, по большому счету, чувство социальной ответственности.

Но православие пришло на Русь в период, когда в ее культуре уже присутствовало высокоразвитое язычество, и в условиях двоеверного синкретизма в содержательной части вероучения, как и в связанных с ним представлениях,

происходят изменения, повлиявшие, в том числе, на трактовку и восприятие в древнерусском обществе учения о братолюбии и милосердии. Подача милостыни, наряду с самим фактом крещения, приобретает роль самой главной «спасающей» силы. Быстрое и прочное укоренение в общественном сознании мысли о сильной спасающей роли щедрой и регулярной милостыни было связано, прежде всего, с «овещественностью, относительной простотой в осуществлении и быстротой исполнения данного “очищающего” акта, понятного и притягательного для недавних язычников, а также его близостью к не ушедшим еще совсем в прошлое традициям братства и равенства, свойственным родоплеменным отношениям» [6, с. 26] и, конечно же, привычке к взаимовыручке и взаимопомощи.

В этих условиях степень модернизационного эффекта в рамках осуществления на Руси благотворительной практики даже в самых крупных ее масштабах (чем и отличается история отечественной благотворительности), но с преобладанием в ее структуре ручной подачи милостыни, закономерно чрезвычайно низка. Жертвуя деньги обездоленным в соответствии с верой, население и власть очень долго не обращаются к необходимости использования иных, более прогрессивных, профилактических форм социальной помощи. Более того, русская православная церковь в условиях, когда все обстоятельства жизни были таковы, чтобы «плодить нищую братию», превращает тезис «церкви богатство – нищих богатство» в краеугольный камень обоснования права на церковную собственность и богатство и всячески способствует приданию статуса святости нищенству. Делала это церковь целенаправленно, в процессе отстаивания своего права на прираставшую в размерах собственность в контексте претензий светской власти на последнюю в условиях разгоравшегося по этому поводу противостояния между государством и церковью на пути становления и укрепления самодержавия в России. Нищенство в православной Руси приобретает статус святости, что в условиях неразвитости экономики, частых войн, природных катаклизмов стимулирует появление и необычайный рост масштабов профессионального нищенства.

Несмотря на то, что со времен Стоглавого собора 1551 г. российская власть, все больше проникавшаяся мыслями о необходимости создания действенной системы помощи нуждающимся и ограничении непомерно растущего в масштабах нищенства, начинает инициировать и проводить в жизнь попытки по формированию элементов системы организованного призрения, манипуляции с идеей нищелюбия приводят к укреплению в общественном сознании мысли о «богоугодности» бедности. В христианской Европе, переживавшей зарождение буржуазных отношений и реформационные движения, церковь, наоборот, обращается к тезису о том, что «бедность – это ад на земле». Эпоха первоначального накопления потребовала от Запада отказаться от идеи спасающей силы милостыни и нищелюбия. В российском же общественном сознании не без помощи церкви и накануне нового времени продолжают укореняться и доминируют традиции благотворения, противоречившие своим содержанием потребностям вступавшего в эпоху новых модернизационных экспериментов государства. Поэтому не зря Петр I, озабочившийся необходимостью всесторонней модернизации России, на всем протяжении своего правления большим количеством указов не только запрещает нищенство, но и декларирует меры, направленные на организацию «правильного» призрения и на создание базы профилактической, «предупредительной» благотворительности. Но состояние экономики и культуры России, а также прочность благотворительных традиций, основанных на особом отношении к нищенству и необходимости постоянной и щедрой раздачи ручной милостыни, не позволили Петру I добиться того, чтобы благотворительность вышла «из узкой сферы религиозной добродетели в более широкие рамки политико-экономической обязанности» [5, с. 57].

Предложенная Петром и развернутая в соответствующих указах Екатерины II фактически программа борьбы с нищенством и организации государственной системы призрения дала начало созданию в Российской империи четкой

административной структуры казенных учреждений под управлением губернских приказов общественного призрения и началу процесса упорядочения частной благотворительности. В эпоху обострения чувства гражданской ответственности и появления и укрепления, под воздействием европейского Просвещения, престижности идеи общественной пользы, для имевшей уже достаточно длительную историю отечественной благотворительности появилась реальная возможность стать одним из значимых факторов процесса становления и роста участия общественного элемента в развитии российского общества. Осознанное практическое участие граждан в организации и предоставлении социальной помощи его нетрудоспособным членам – одна из важнейших, начавших формироваться практически со времен Екатерины II черт отечественной благотворительной практики.

К 1825 г. по линии приказов общественного призрения с 25 млн руб. капиталов [1, с. 37] в губерниях действовала целая сеть благотворительных заведений в виде богаделен, учебно-воспитательных учреждений, работных и ремесленных домов. К 1861 г., началу крестьянской реформы, приказы общественного призрения тратили ежегодно на различные формы закрытого и открытого призрения около 3 млн руб. серебром [8, с. 24].

Основным недостатком приказной системы благотворения стала ее бюрократизация и неприятие, несмотря на ожидания общественного элемента в организации работы. А вот деятельность так называемых учреждений «на особых основаниях управляемых» в истории российской благотворительности дала, судя по ее масштабам и результатам, оптимальное для российских реалий XIX – начала XX в. соединение в их деятельности востребованного временем активного участия общественного элемента в деле организованной заботы о нуждающихся членах общества с четким контролем их работы со стороны государства в лице представителей царствующего дома или крупных государственных чиновников. Сочетание в статусе, организации и содержании деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны, Императорского человеколюбивого общества, Российского общества Красного Креста, Попечительства о трудовой помощи и ряда подобных благотворительных ведомств их привилегированного положения, государственного характера управления и частного характера финансирования, активного членства в них высокооплачиваемой интеллигенции и сановного либо именитого общественного элемента сделало их наиболее эффективными среди организованных участников отечественного благотворительного процесса в условиях монархического правления.

Еще одним достаточно удачным, с точки зрения модернизационных ожиданий, стало решение возложить основное бремя социальной заботы о «недостаточном» населении на созданные в результате буржуазных реформ в России земства. Появившись в первые годы проведения крестьянской реформы, они, как органы местного самоуправления, вынужденно столкнулись с достаточно большим количеством освобожденных крестьян, нуждавшихся в различных видах социальной помощи. Это заставило земцев, во-первых, основательно задуматься и приступить не только к осуществлению своих полномочий по организации общественного призрения, но и к работе по организации профилактики бедности, а, во-вторых, уделить особое внимание привлечению к делам благотворения общественности.

В 1891 г. в 28 земских губерниях империи в 1090 заведений призрения обслуживалось 1072146 человек, тогда как в 16 не земских губерниях 817 заведений призревало 60322 человека [4, с. 63]. Оказание помощи пострадавшим от неурожая, наводнений и пожаров; помощь переселяющимся крестьянам и семьям нижних чинов, призванных в армию; содержание стипендиатов в учебных заведениях; создание и финансирование домов и колоний для умалишенных, колоний для малолетних преступников, приютов для подкидышей; строительство иных благотворительных заведений; выдача ссуд безземельным крестьянам на покупку земли; создание бюро и контор «для приискания работы»; организация

общественных работ и многое другое – в арсенале более чем полувековой истории существования земств в России.

Существенной частью земской работы по организации социального попечения о неблагополучных гражданах страны стала помощь в проявлении общественной активности в этой сфере. Со второй половины XIX в. добровольная благотворительность, «...как результат частной инициативы и построенная на традициях древнерусской личной благотворительности, постепенно становилась одной из главных характеристик в деятельности российского общественного элемента в условиях складывания и развития гражданского общества в России» [6, с. 34]. Более того, как покажет дальнейшая история российской организованной общественной благотворительности, она стала чуть ли не единственным в дореволюционной России крупным каналом трансляции социальной активности граждан, не только разрешенным, но и всячески поддерживаемым властью.

Упрощенные в открытии указом 1862 г. благотворительные общества «частно-правового характера» стремительно прирастают в числе. К рубежу XIX–XX вв. их количество, масштабы и формы работы таковы, что официальная статистика делит их на три крупных основных типа. Это «общеблаготворительные» общества; общества, создававшие и обеспечивавшие работу различных благотворительных заведений, и общества, специализировавшиеся в предоставлении социально недостаточным людям какого-либо одного вида помощи. Известно, что к 1902 г. число организаций первого типа составляло 2634 (55,3 %) и их расходы на благотворительность достигли 12608610 руб. Шестьсот обществ второго типа (12,6 %) занимались работой в 302 детских приютах, 8 детских домах трудолюбия, 58 других детских заведениях призрения, 56 домах трудолюбия для взрослых, 176 других заведениях призрения для взрослых, расходуя на них ежегодно 5060110 руб. Количество благотворительных общественных объединений «частно-правового характера» достигло 1528 (32,1 %). В 1901 г. помощью по линии всех названных организаций воспользовалось 544346 человек и 36587 семей [1, с. XXXIV–XXXV].

Помимо реального и достаточно осязаемого вклада отечественных общественных благотворительных объединений в дело помощи нуждающимся в ней различным категориям населения страны, что, естественно, значимо само по себе, не менее важной видится для развития российского общества и иная сторона их деятельности, а именно постоянная рефлексия участников отечественного организованного благотворительного процесса и организованная ими в газетах и журналах дискуссия о месте, содержании, роли и перспективах филантропии в России на фоне острых и масштабных проблем в социальной сфере и постепенной радикализации общества. Все это, во-первых, привлекало в ряды участников отечественной благотворительной практики все большее количество равнодушных людей, приобщавшихся таким образом к общественной деятельности, во-вторых, заставляло власти в условиях административно-полицейского государства идти не только на смягчение законодательства по отношению к частной благотворительности как к организованному общественному движению. Как ближайший результат – создание в 1909 г. Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению и проведение в стране (в 1910 и 1914 гг.) съездов по проблемам благотворительности в России.

Очевидно, что усвоенный отечественной культурой и ставший в процессе своего почти тысячелетнего развития ее важнейшим элементом, феномен благотворительности на отдельных этапах российской истории приобретал статус неотъемлемой части переживаемых страной и народом ряда важнейших модернизационных экспериментов, проводившихся властью в условиях преимущественно мобилизационного пути развития. Более того, в рамках преобразований по следам реформ второй половины XIX столетия он серьезно повлиял на формирование модернизационной среды и выработку в сознании образованной части российского общества модернизационных ценностей к началу Первой мировой войны. Как очевидно и то, что в силу специфичности традиций

отечественного благотворения, формировавшихся в условиях двоеверного синкретизма и под влиянием православной церкви, отстаивавшей формулу «церкви богатство – нищих богатство» в рамках борьбы за церковную собственность с государством, «неправильно организованная» благотворительность, как и ставшая важнейшей частью нашей ментальности идеология нищелюбия, не единожды становились серьезным препятствием на пути проводимых в стране модернизационных экспериментов.

Список литературы

1. Благотворительность в России. История государственной благотворительности. Санкт-Петербург, 1907. Т. 1.
2. Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милокова. Санкт-Петербург, 1896. Т. 3.
3. Евангелие от Матфея. 25: 34–46.
4. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии ее в России. Санкт-Петербург, 1906.
5. Покотилова Т. Е. Благотворительность и нравственность // *Almamater*. Вестник высшей школы. 1998. № 3. С. 56–60.
6. Покотилова Т. Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России: мировоззрение и исторический опыт. Москва, 1998. 40 с.
7. Путин В. В. Рано подводить итоги. Москва: АСТ, 2007. 448 с.
8. Статистические этюды // Библиотека для чтения. 1864. Октябрь, ноябрь.

References

1. *Blagotvoritelnost v Rossii. Istoriya gosudarstvennoy blagotvoritelnosti*. St. Petersburg, 1907, vol. 1.
2. *Bolshaya entsiklopediya*. Ed. by S. N. Yuzhakov, P. N. Milyukov. St. Petersburg, 1896, vol. 3.
3. *Yevangelie ot Matfeya*. 25: 34–46.
4. Maksimov Ye. D. *Obshchestvennaya pomoshch nuzhdayushchimsya v istoricheskom razvitii ee v Rossii*. St. Petersburg, 1906.
5. Pokotilova T. Ye. *Blagotvoritelnost i npravstvennost*. *Almamater. Vestnik vysshey shkoly*, 1998, no. 3, pp. 56–60.
6. Pokotilova T. Ye. *Blagotvoritelnost v sotsialnoy istorii dorevolyutsionnoy Rossii: mirovozzrenie i istoricheskiy opyt*. Moscow, 1998, 40 p.
7. Putin V. V. *Rano podvodit itogi*. Moscow, AST Publ., 2007, 448 p.
8. *Statisticheskie etyudy*. *Biblioteka dlya chteniya*, 1864, Oktober, November.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ XVI–XIX ВВ.)**

Закутнов Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Ставится задача рассмотреть особенности развития геральдической системы в России в контексте XVI–XIX вв. Представить создание гербов российских городов и губерний, проведенных российскими и иностранными специалистами. Показать возникновение и развитие в больших городах России герботворчества, проникающего в различные губернии и провинциальные уезды. В статье отражена роль российских монархов в становлении российской геральдики.

Ключевые слова: геральдика, государственная геральдика, территориальная геральдика, герб, областной герб, городской герб, символ, эмблема

**FEATURES OF DEVELOPMENT OF HERALDIC SYSTEM IN RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF THE 16–19th CENTURIES)**

Zakutnov Oleg I., D.Sc. (History), Associate Professor
Astrakhan State University,
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru